

РУССКИЕ
ПИСАТЕЛИ
В ТОМСКЕ

Издательство «ВОДОЛЕЙ»
ТОМСК — 1996

ББК 83.3Р
Р89

Учредитель издательства «Водолей» —
Томская областная научная библиотека им. А. С. Пушкина

Издательство «Водолей» выражает глубокую благодарность
Томскому Областному Краеведческому Музею,
предоставившему из своих фондов фотоматериалы, использо-
ванные в этой книге

Художник Б. Н. Перцев

Р89 **Русские писатели в Томске.** — Томск: Изда-
тельство «Водолей», 1996. — 192 с.

Книга «Русские писатели в Томске» является первым опытом создания литературной истории «Сибирских Афин». Каждая из одиннадцати глав: о протопопе Аввакуме, А. Н. Радищеве, Г. С. Батенькове, лиценстах пушкинского выпуска, петрашевце Ф. Толле, К. М. Станюковиче, В. Г. Короленко, Г. И. Успенском, Ф. Волховском, Н. И. Наумове, А. П. Чехове — воссоздает летопись жизни Томска как места ссылки и вместе с тем как культурного университетского центра; позволяет увидеть жизнь города в «беге времени» — от XVII до конца XIX вв., оценить его вклад в историю отечественной культуры.

Книга подготовлена коллективом сотрудников кафедры русской литературы Томского университета во главе с доктором филологических наук, профессором А. С. Янушкевичем.

Для преподавателей и учащихся школ, лицеев и гимназий, филологов, краеведов.

Р 4603020100 без объявл.
М46(03)-96

ISBN 5—7137—034—8

© Авторы статей, 1996
© Перцев Б. Н., оформление 1996
© Издательство «Водолей», 1996

«СЕРДЦЕ ЗОЛОТОЕ, БЛАГОРОДНОЕ, ЧИСТОЕ...»

(Петрашевец Ф. Толль
в Томской губернии)

Э. М. Жиялова

Для Феликса Густава Эммануила Толля слово «Томск» прозвучало как приговор: Томская губерния была определена ему местом каторги и ссылки.

Морозным утром 22 декабря 1849 года Феликс Толль в числе двадцати петрашевцев, осужденных к расстрелу, стоял на Семеновском плацу в ожидании казни. Рядом были Федор Достоевский, Михаил Петрашевский, Александр Баласогло... В романе «Идиот» Ф. М. Достоевский описал мучительное ощущение, пережитое им и его друзьями ровно за минуту до смерти. В это мгновение перед мысленным взором каждого из осужденных пронеслась короткая, но такая яркая, полная самых светлых мечтаний и надежд жизнь.

Все они были молоды. Толлю исполнилось только 26 лет. Сын канцелярского служащего из Нарвы, человек необычайно одаренный и знающий несколько иностранных языков, он получил педагогическое образование. После окончания Петербургского педагогического института Толль учил детей русскому языку и географии сначала в астраханской гимназии, потом в Финляндии и, наконец, в 1848 году перебрался в Петербург. Здесь Толль оказался в кругу духовно близких ему молодых людей — петрашевцев. Это были поклонники французского утописта-социалиста Шарля Фурье, мечтавшие о создании в России общества людей счастливых, равных и любящих друг друга по-братски. Толль был единодушно принят в кружке Петрашевского. Не очень привлекательный внешне, он притягивал своей сердечностью, бескорыстием, высоким духовным складом. Постоянно занятый поисками заработка (Толль преподавал в частных пансионах, в батальоне кантонистов), он сохранял юношескую восторженность и преданность высоким идеалам, которым остался верен во всю свою жизнь.

В большом круге проблем, обсуждаемых на «пятницах» Петрашевского, у Толля была своя линия, которую он проводил целенаправленно, идея о первостепенном значении просвещения и образования народа. В основе этой идеи лежало глубокое уважение Толля к личности. По его мнению, и труд, и культура, и образование — все должно служить благородной цели — сделать человека счастливым.

На знамени Толля неизменно, в течение всей его жизни, могли быть написаны слова из стихотворения Пушкина: «Да здравствует Разум!» Толль посвятил много времени и сил созданию «Истории просвещения России», которая должна была дать новые принципы воспитания ребенка. Когда на «пятницах» Петрашевского возникали споры о современной литературе, о Ж. Санд и Э. Сю, то Толль, полемизируя с Ф. Достоевским и С. Дуровым, отстаивавшим художественную первооснову искусства, утверждал, что «литература должна идти об руку с действительностью и поэт должен быть прежде всего сыном своего отечества, ко благу которого клонить всю свою деятельность» [1, 147].

В марте 1849 года, за месяц до ареста, Толль выступил на очередной «пятнице» с докладом о том, «нужна ли религия в социальном смысле». Несмотря на бурные возражения друзей, Толль доказывал, что чувство народов дикого состояния «основывается на страхе перед мощными силами природы и что основатели различных религий сами не веровали в те божества, поклонение которым проповедывали, но что в этих вымышленных божествах они искали только какого-то внешнего авторитета для поддержания своих нравственных правил» [1, 160]. Религия, по утверждению Толля, подавляет развитие ума и заставляет человека следовать правилам общежития не по убеждению, а по чувству страха перед наказанием и страданием. Толль страстно веровал в нравственную свободу человека, основанную на прогрессе общества, на развитии техники, инженерной мысли, а главное — на образовании и просвещении. Поэтому он так горячо заинтересовался проектом, который разрабатывал его друг Александр Баласогло: учредить общество для организации издательства, типографии, книжного магазина и публичной библиотеки. Тогда писатели освободятся от невежественных издателей, редакторов журналов, а свободная творческая деятельность на ниве культуры даст мощный импульс развитию просвещения и образования в России, изданию книг для детей и юношества.

Но планы рухнули: Толль был арестован одновременно с другими «злоумышленниками» и заключен в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости. И вот теперь морозным петербургским утром их привели на казнь. Прочитали приговор. Трех уже привязали к столбам. Они прощались, расставаясь навеки. И вдруг, по воспоминаниям Ф. М. Достоевского, «из клубов дыма и тумана выбился луч солнца, сверкнул на золоченом куполе собора». И этот луч сделал непереносимыми муку и боль расставания с жизнью: «Он умирал двадцати семи лет, здоровый и сильный. «Что,

если бы не умирать! Что, если бы воротить жизнь — какая бесконечность!» [2, VIII, 52]. В ходе ужасного спектакля на Семеновском плацу расстрел был заменен высылкой в Сибирь, в каторжные работы на винокуренный Керевский завод Томской губернии.

Для Толля, как и для Достоевского, Дурова, Петрашевского, Львова, как и для декабристов четвертью века ранее, начинался сибирский период жизни — жизни невольной, каторжной. Но Сибирь оказалась необычайно важной эпохой в их судьбе и в другом отношении. Она дала им такое практическое знание жизни, открыла такие характеры и судьбы людские, что во многом определила всю их будущность.

О пути в Сибирь и о первой встрече с Томском Толль рассказывает сам в автобиографическом очерке «Из записок моего сосланного приятеля (1850)», опубликованном в журнале «Современник» после возвращения из ссылки.

Закованных в кандалы Львова и Толля везли через Тобольск по Московскому тракту в Томск. Львову предстояла дорога до Иркутска в Нерчинские заводы. В Томске Толль и Львов должны были расстаться. Зорким взглядом человека, которому суждено было провести много времени в новом краю, Толль присматривается к суровой земле, ее природе, климату, а главное — к людям. Очерк начинается записью: «25 января около полуночи, мы подъехали к последней станции под Томском. Холод в градусов 25 или больше продолжался, но он казался нам милостивым в сравнении с тем, что мы испытали, подъезжая к Тобольску. Впрочем, вообще пресловутые сибирские морозы несравненно сноснее наших петербургских холодов, потому что совершенно сухи, между тем как последние сопровождаются туманами» [3, 264].

В Томск Феликс Толль въехал в ясное морозное утро. Вот как это описано в очерке: «Небо было чисто, лошади бежали весело, дружно. Ямщики по очереди пели. Конеч томской станции наступил для нас прежде, нежели мы успели порядком прозябнуть. Быстро промчались мы по улицам чистого, с первого взгляда даже хорошенького городка и остановились у старого двухэтажного деревянного дома, у подъезда которого была будка и стоял линейного батальона часовой. Почти в одно время с нами у подъезда остановилась пара рысаков, и из щегольских санок выскочил мужчина лет тридцати в шинели с бобровым воротником и в гражданской каске. Старший жандарм подошел к подъезду в одно время с ним: они обменялись несколькими словами, и жандарм возвратился к моей повозке. «Пожалуйста к губернатору! — сказал он и стал помогать мне вылезать из

саней, что по причине кандалов и двух шуб было не совсем легко сделать» [3, 267].

Так состоялась встреча Толля с Томском. Его первые, довольно приятные впечатления во многом были продиктованы неожиданным для него открытием. Толля поразила деликатность и доброжелательность встреченных им сибиряков, сочувствие к закованному государственному преступнику не только со стороны тобольских арестанток, зашивших ему в тулуп несколько ассигнаций, но и высокого томского начальства.

Толль мягко и благосклонно был принят губернатором. В очерке дан его портрет: «Маленький пожилой мужичка, рыжий, невзрачный, в золотых очках, в горном сюртуке без эполет. Он как-то боком, будто нехотя, взглянул на меня и сказал довольно мягким голосом, пробегая поданную ему жандармом бумагу: «Вы последуете за г-ном полицеймейстером, куда он вас повезет!» [8, 268]. Речь здесь идет о томском гражданском губернаторе Павле Петровиче Аносове, знаменитом горном инженере, создателе высококачественной стали. Павел Петрович Аносов, главный начальник алтайских горных заводов и томский губернатор, был человеком гуманным и образованным. Еще в юности, на выпускном экзамене в Горном кадетском корпусе он тронул сердце поэта В. А. Жуковского, прочитав на русском языке сочинение по словесности. Встреча Жуковского с Аносовым повторилась через 20 лет, в 1837 году, в Златоусте, где Аносов в качестве начальника горного округа будет принимать Жуковского, уже побывавшего в Тобольске. Аносов будет сопровождать поэта во время его путешествия по Уралу. И дважды, 7 и 9 июня Жуковский в своем Дневнике запишет имя Аносова, а датой 8 июня будет отмечено отправление письма к государю с просьбой о помиловании декабристов, сосланных в Сибирь. С 1847 года П. П. Аносов станет томским губернатором, куда через тридцать лет в фонды Научной библиотеки Томского университета поступит книжное богатство почитаемого поэта Жуковского.

Заботу о Львове и Толле на время их пребывания в Томске принял лично полицеймейстер. Он не только не отправил каторжника сразу в острог, а позволил друзьям провести целый день вместе. Для этого Толля и Львова, несмотря на возражения сопровождающих их жандармов, поместили в квартире управляющего томской аптекой. Обед им был доставлен прямо из дома полицеймейстера. Толль описывает этот сюжет: «Приглашая нас к обеду, полицеймейстер сказал: «Извините, г-да! Чем богаты, тем и рады! В Томске нет хорошей гостиницы... но жена моя просила

вас принять обед, изготовленный под ее руководством. А за неимением во всем городе ни одной бутылки бургонского, я предлагаю вам от себя бутылочку сносного хересу!» [3,270].

Полицеймейстер в конце дня лично повез Толля в острог: «Мы помчались. Дорога в острог лежала через весь город: нам попадалось много народа, кланявшегося полицеймейстеру и с удивлением смотревшего на сидевшую рядом с ним фигуру в нагольном тулупе, выглядывающем из-под накинутой енотовой шубы, и в мерлушечьей шапке. О, Сибирь! Вероятно, ни в каком другом городе обширной России градоначальник не решился бы пропарадировать таким образом с человеком, назначенным в каторжную работу. Но в Сибири каторжник тот же человек» [3,271]. Расставаясь, полицеймейстер позаботился, чтобы в остроге Толлю дали почитать книгу.

Все рассказанное Толлем может показаться фантастическим и смахивает на сказку, если не напомнить, что описанный Толлем губернатор П. П. Аносов и полицеймейстер Любимов, прямо названный в очерке по имени и отчеству — Василий Михайлович, были людьми из круга хороших знакомых сосланного и проживающего тогда в Томске декабриста Гавриила Степановича Батенькова. Аносов «радушно принимал Батенькова и бывал у него запросто», а Любимов был родственником Лучшевых — ближайших друзей декабриста в Томске. Со всей определенностью можно говорить о том, что такой прием и внимание со стороны глав губернии и города был осуществлен благодаря стараниям и влиянию Батенькова. Декабристы, на всем протяжении Сибири, от Тобольска до Иркутска, поддерживали сосланных петрашевцев, смягчали удары судьбы. Ф. М. Достоевский вспоминал, как в Тобольском остроге, на пересыльном дворе, жены декабристов: Фонвизина, Анненкова, Муравьева — «великие страдалицы» — устроили свидание петрашевцам, благословили их в далекий путь и каждого оделили Евангелием. Заботу «сибирских старожилов» (так называл сосланных декабристов И. И. Пущин) Толль испытал на себе, въезжая в Томск. И весь сибирский период его жизни будет отмечен глубокой и спасительной связью с декабристами: они помогут ему выжить и физически и нравственно.

А впереди была каторга — Керевский завод. По дороге Толль не мог не думать о том, что ждет его там — на Оби: «В голове моей накопилось столько мыслей... Я до того времени жил слишком мало с народом, а в заводе пришлось бы жить с подонками его... Это приводило меня в буквальном смысле в содрогание. Притом и нравственное чувство

мое возмущалось при мысли о том, что меня поставят на одну доску с убийцами, ворами и мошенниками, меня, который никогда не убивал, без некоторого раскаяния, мухи, даже в шутку не украл синей порошинки и инстинктивно избегал всякой тени подлости».

Каторжная действительность превзошла все ожидания Толля: правда оказалась проще и страшнее, но одновременно не столь безысходной и безнадежной. Неслучайно, подводя черту под своими дорожными раздумьями, Толль, уже умудренный опытом общения с ссыльными, скажет: «Конечно, теперь я не был бы столь целомудренно-самолюбив, потому что убедился, что за этим целомудрием кроется большая доза слабости и несостоятельности».

Сибирь для Толля стала практической школой самовоспитания — и прежде всего в его отношении к человеку из народа.

Керевский винокурный завод, в который Толль был назначен в каторгу, существовал уже 8 лет. Керевск (на месте нынешнего села Киреевского Кожевниковского района) был выстроен в 64 верстах от Томска при впадении реки Керевы в Обь. «Завод представлял вид большого селения, расположенного двумя улицами по обоим берегам реки Керевы. От улиц расходились небольшие ветви с винницей, гауптвахтой и водяною мельницею посредине. Завод, с одной стороны, почти непосредственно сливался с деревнею Горки, по другую сторону которой, на берегу Оби, выстроена была паровая мукомольная мельница, почти с самого построения своего ничего не молотшая, потому что оказывалось выгоднейшим молотить хлеб на обыкновенных водяных мельницах» [4, X]. Главную рабочую силу на заводе составляли ссыльно-каторжные, в основном из уголовных преступников. Режим жизни в Керевске был типично каторжным: работа с утра до ночи, кандалы, конвой, произвол чиновников, всеобщее пьянство. В очерке Толль рассказал, как тяжело было переносить бесцеремонное обхождение смотрителя, глупые рожи чиновников, наглость солдат, рабскую покорность ссыльных. Впечатления первых дней на каторге были ошеломляющи: «Я задыхался от злости, от негодования, от чувства оскорбленного человеческого достоинства. В моем нравственном мире оборвалась какая-то струна: в первый раз в жизни я стоял на собственных ногах, без сословных помочей, без чиновничьих гарантий... Я был тем, чем сделал меня приговор, то есть преступником, отданным во власть их...»

«Равенство поневоле» заставило Толля пристальнее всмотреться в лица и души окружающих людей: «Я приня-

лся за изучение завода, как турист изучает незнакомую страну. Я узнал в заводе жизнь, как она есть».

Результатом пребывания Феликса Толля на каторге стала книга «Два года в К-ком заводе. Сибирские очерки». Первоначально очерки публиковались один за другим на протяжении 1859-1860 годов в известном своим демократическим направлением журнале «Русское слово». В 1861 году они были изданы отдельной книгой, которая появилась за год до известных «Записок из Мертвого Дома» Ф. М. Достоевского.

Толль, как и Достоевский, рассказал русскому читателю еще неизвестную ему правду о сибирской каторге, о людях, погибших и погибающих в неволе. «Два года в К-ком заводе» явились, подобно «Запискам из Мертвого Дома», исповедью отчаяния гуманного и образованного человека, выбитого из колеи нормальной жизни. Но одновременно книга эта повествует о духовной стойкости и мужестве, обретенной в общении с простыми людьми. В «Необходимом предисловии» к своей книге Толль писал: «Грустное впечатление производил завод на всякого свежего человека <...> Зато сколько уроков, сколько великих психологических указаний мог наблюдатель почерпнуть в этом резервуаре общественного зла! Сколько типов могучих, целостных, несчастных натур встречалось ему тут! Как моралист, он мог собрать обильную жатву знаний для нравственной патологии общества. Как художник, он получал в распоряжение целые альбомы образов и событий. Как общественный деятель, он имел под рукою материалы для изучения всех сторон нашего общества» [4, XIII].

Книга Толля, как и «Записки из Мертвого Дома», поразили современников новизной сочетания истинного факта и глубокого художественного обобщения. Нарисованные писателем картины воспринимались как документальное свидетельство действительной жизни. Очень интересны пометы читателя-томича, сделанные на экземпляре книги «Два года в К-ком заводе», хранящемся в Отделе Редких книг Научной библиотеки Томского университета. Книга эта из собрания Г. К. Тюменцева, сибиряка-энтузиаста, создавшего большую библиотеку о Сибири. Судя по пометам, сделанным карандашом, книгу читал человек, хорошо знавший Толля и обитателей Керевска. Над именами действующих героев он надписал имена их прототипов. Сделаны незатейливые записи типа: «Феликс Толль немного завирается: ни одна душа не говорила ему: «Здравия желаю». Он всегда ходил без шапки». Или в связи с историей Андрея Пименовича в рассказе «Жорнов» читатель уточняет имя («Ар-

сентий Яковлевич») и пишет о Толле и его герое: «Я знал их обоих». Комментарии томского читателя тех лет — искренние, непосредственные, порой наивные, говорящие о том, что он не берет в расчет художественной природы книги, — интересны не только сочувственным отношением его к каторжанам, но и сообщением фактов, страшных в своей нагой простоте и откровенности. На полях сделана запись: «Толль сам содержался в заводском остроге и ходил на работу пилить ступицы для колес постоянно с конвоем».

В пяти очерках Толль воссоздал будни Керевского завода. Вот начинается обычный день: «Звон конторского колокола, призывающего на работу, заунывно разносился по заводу и будил рабочих, кого где находил. Просыпались инвалиды, и ворча шли отпирать острог; одинокие часовые, вздремнувшие, опершись на ружье, прибадривались и начинали ходить в ожидании смены. В остроге, потягиваясь, поднимались с нар мрачные фигуры заключенных и, громко разговаривая, перебраниваясь или мурлыча песни, отправлялись на площадь, где происходила раскомандировка».

Безотрадную картину завода дополняли грязь и пыль летом. Как пишет Толль, село, построенное среди вековой тайги, лишено было деревьев и цветов: «На всем протяжении завода нигде не было зелени, и потому птицы не залетали в него и веселое щебетанье их не могло услаждать слуха его жителей».

И чем страшнее была картина пьянства, беззакония и нравственного падения, тем ярче на этом мрачном фоне оттенялись сильные и глубокие характеры, встреченные Толлем на каторге. В «Необходимом предисловии» к своей книге он писал: «Я прожил в К-ком заводе слишком два года и потому имел случай близко изучить состав и обиходную жизнь его. Здесь я убедился, что более половины рабочих ссылаются за преступления или непреднамеренные, или совершенные в минуту гнева, ревности, озлобленности, или под влиянием хмеля, или, наконец, под гнетом вопиющей нужды».

На страницах книги Толль создает галерею портретов людей, необычайно привлекательных и талантливых, оказавшихся на каторге в силу трагических и часто несправедливых к ним обстоятельств. Такова история «полковницы» Надежды Жемчужиной, попавшей на каторгу из-за невольного соучастия в убийстве нелюбимого мужа. Ее докаторжная история предвосхищает сюжетный рисунок повести Н. С. Лескова «Леди Макбет Мценского уезда». В Керевске Жемчужина встречает барона Пасквеца, служившего лесничим, который был, как и она, отмечен широтой и

страстностью натуры. Толль-писатель показывает, как любовь преобразила этих людей, как расцвело их чувство в суровом сибирском краю, как потянулись к ним другие ссыльные — и как разлучили их! Надежда Жемчужина, увезенная в Томск, сгорела подобно свечке — она трагически погибла. Во втором очерке «Шымрово побоище», Толль дорассказал эту историю: и лесничий стал жертвой непорядочности томских чиновников, власть имущих, и он был доведен до гибели.

В каждом очерке Толль показывает живую душу, которую он разглядел в так называемом преступнике. Более всего согревало и радовало его общение с каторжниками из крестьян. Сколько встретил он здесь незаурядных характеров и судеб! По контрасту с «несчастливыми» (так в Сибири называют всех разжалованных из дворян), которые нередко теряли в экстремальных условиях каторги свое человеческое достоинство, простые мужики и здесь отличались деловитостью, спокойствием и порядочностью. Это Алексей Онуфриевич, напоминающий по психологическому складу мужиков — мечтателей из «Записок охотника» И. С. Тургенева: трогательный, кроткий, незлобивый, великодушный. Он попал на каторгу по величайшей несправедливости, но даже это не ожесточило его душу. Очерк «Жорнов» Толль посвящает плотнику Федору Тихову, внешне менее всего отвечающему своему прозвищу: «Он не велик ростом, не очень плечист, лицо его не выражает ни особенной самоуверенности, ни большой энергии, напротив, на нем написана кротость, доброта, мягкость, уступчивость нрава. Небольшие голубые глаза его почти всегда бывают потуплены. Тихая поступь, мерные телодвижения, исполненные обдуманности. Самая речь никогда не возвышается до тона крика или брани, всегда кроткая, миролюбивая. Человек честный и смиренный. — С чего же взяли — дать ему такое прозвище?»

Рассказанная Федором история его жизни объясняет прозвище: Федор попал на каторгу за правое дело: он вступился в своей деревне за интересы мужиков и был за то наказан. На каторге Федор Тихов остается нравственной опорой, сильным и справедливым человеком, которого побаиваются начальники и уважают простые мастеровые: «Несмотря на слишком пятьдесят лет отроду, Федор одною рукою останавливал за колесо телегу на всем ходу лошади, играл восьмипудовою гирею как мячиком, вдавливал в стену рукою огромный гвоздь, одним словом, был первый силач во всем заводе и во всех окрестностях. Тогда также ясна мне стала причина его всегдашнего спокойствия и кротости, — качеств, выражающих сознание силы».

В очерке «Судьба» повествуется о драматической жизненной истории незаурядного философа-фаталиста из мужиков, дорожившего более всего на свете своим человеческим достоинством. Рисуя на страницах книги разнообразные типы героев, Толль практически исследовал и изображал русский национальный характер, проявляющий свои сильные стороны в необычных условиях.

Большинство из встреченных на каторге Толлем людей обзаводились семьями, оседали в Керевске, пополняя слой сибирского населения, отмеченного вольным и сильным характером. Рядом с такими, как Федор Тихов или Алексей Онуфриевич, жизнь не казалась совсем беспросветной. В душе оставалась надежда и восприимчивость к прекрасному. С чувством удивления и восторга Толль описывает весну этого сурового сибирского края: «Весна коротка, но зато как хороша эта северная красавица! Сколько очарования в этом почти мгновенном пробуждении природы из восьмимесячного оцепенения! Как блистательна здесь победа жизни над смертью!»

Через десять лет, уже после возвращения из Сибири, Толль напечатает роман под названием «Труд и капитал» (1860). Действие в романе происходит в далекой от России Германии, главные герои — из немецкой интеллигенции: мечтатель-ученый Мейер и его возлюбленная актриса Фанни. Но роман «из немецкой жизни» с первой до последней страницы дышит воспоминаниями о годах, проведенных в Керевском заводе. Сибирский опыт Толля сквозит и в описании ужасных условий жизни заводских рабочих — с ожесточенными, мрачными лицами, с мозольными руками, в рубище и голодных, — и в страстном желании героев улучшить жизнь этих несчастных людей. С помощью усовершенствованных машин они хотели «просветить ум рабочих, направить их сердце и поставить в независимое положение» [5]. Общение с керевскими рабочими-каторжниками не убили в Толле его веры в возможность преобразования жизни.

Феликс Толль пробыл на каторге в Керевске два года и три месяца. Весной 1852 года он был переведен на поселение в село Марково (или Шигарка) в 132 верстах от Томска [6] — ныне поселок Яя Кемеровской области. К концу срока Толлю было разрешено жить в Томске. Своим возвращением с каторги Толль был обязан в первую очередь заботам Г. С. Батенькова. Через своих друзей, губернаторов П. П. Аносова и сменившего его генерала-майора В. А. Бекмана Батеньков не только вызволил Толля из Керевска, но способствовал созданию условий, позволявших им виде-

ться и общаться. Об его участии в судьбе Толля говорят письма И. И. Пущина. 15 мая 1852 года Пущин в письме из Ялуторовска спрашивает Батенькова: «Где же Толль? Вы ничего об нем не говорите, обещавши его освободить от завода». А в письме от 23 июня в ответ на сообщение Батенькова Пущин с удовлетворением пишет: «Прекрасно сделали, что приютили Толля. По правде — это наше дело — мы, старожилы Сибирские, должны новых конскриптов сколько-нибудь опекать, беда только в том, что не всех выдают» [7,245]. С этого времени начинается дружба Толля с Батеньковым, а через него с другими декабристами: отцом и сыном Якушкиными, М. И. Муравьевым-Апостолом.

Сохранилось два письма Толля в Томск Батенькову, написанных с поселения. Они относятся к последней сибирской осени Батенькова. Тон и содержание писем Толля говорят о его сердечной и духовной близости к старшему товарищу. В письме от 19 августа 1856 года Толль обращается к Батенькову так, как его называли только близкие люди: «Дедушке. Не знаю, буду ли я в Томске до первого снега, а санным путем имею намерение. Застану ли еще Вас? Ведь манифест-то, кажется, не преминет; тогда Вас поминай, что звали дедушкой вечно юным (не затрудняющимся тысячелетиями и веками» [7,327]. Прощаясь с Батеньковым, покидавшим Сибирь, Толль в письме от 20 сентября 1856 года признавался ему в любви: «Добрейший Гавриил Степанович! Хотел ехать для того, чтобы обнять Вас перед отъездом; но это связано с такими трудностями, что не решаюсь и потому от души поздравляю Вас заочно и желаю всего, всего хорошего. Будьте здоровы и счастливы; обнимаю Вас мысленно, как родного. Жалею, что мало пользовался Вашим обществом, люблю Вас сильно!» [7,328].

В рассказе «Портрет», опубликованном в журнале «Отечественные записки» в 1861 году, Толль создает образ томского ссыльного В., который своим духовным обликом и жизненной судьбой очень напоминает Г. С. Батенькова: «Человек уже не первой молодости, чрезвычайно умный, образованный и отличный скрипач. Носилась слухи, что он прежде был очень богат и знатен. В ссылке он сохранял наружный вид и приемы вельможи, а между тем принужден был крайне ограничивать себя в домашнем быту» [8,506]. Рассказ «Портрет» написан в форме писем (два из них адресованы из Томска в Петербург) Дмитрия Павловича Зубова, молодого человека 24 лет, испытавшего себя и в военной службе, и в канцелярии, и в искусстве — и всюду находившего «умственную труху», а потому решившего в крайнем отчаянии лишить себя жизни. Спасает его ссыль-

ный В., заражая мужеством и терпением. Зубов рассказывает в письме своему петербургскому другу: «Я вдумываюсь в цепь страданий, утрат, разочарований, постигших этого человека, и собственное горе мое начинает казаться мне таким ничтожным, мелким в сравнении с этим громадным мученичеством целой жизни...» [8,506-507].

Рассказ «Портрет» — художественное произведение, но, как это свойственно прозе Толля, вымысел соседствует с биографическим фактом. И в этом плане образ ссыльного В., овеянный светлым чувством благодарности и восхищения, приобретает значение документа томской жизни, духовным и нравственным центром которой в 1850-е годы был декабрист Г. С. Батеньков.

Общение с Батеньковым для Толля означало возвращение в привычный для него круг умственных интересов среди людей, одушевленных поисками смысла жизни. О напряженности споров говорит признание самого Толля. В письме к Батенькову от 29 марта 1858 года из Твери в Калугу он воссоздает свой облик сибирской поры: «Приеду к Вам единственно для того, чтобы посмотреть, как Вы живете, позвать Вам руку и указать, что я по-прежнему упрям, затеявая множество новых споров» [7,329]. Судя по письмам, центральный спор между Толлем и Батеньковым развернулся по вопросу о религии в связи с пониманием свободы личности и способах ее совершенствования. Они сходились в понимании высокой предназначенности человека и в требовании нравственной свободы личности. Но пути ее достижения понимались различно. Г. С. Батеньков был проникнут христианскими идеями нравственного воспитания личности путем внутреннего самоограничения, кротости, духовного восхождения к заповедям Христа. Толль был с ним не согласен. Педагог и просветитель, он страстно отстаивал еще в кругу петрашевцев свободу человека от религии. Судя по письмам, остается верен своей позиции и позже. Спор, начатый в Томске, продолжился на страницах писем, отправленных Толлем в Калугу, где жил после ссылки Батеньков. Не без влияния Батенькова, Толль согласен с ним в том, что для полного расцвета личности мало «размышления», необходима «религия сердца — теплое, задушевное начало»: «религия непосредственная, всосанная с молоком матери из предыдущего поколения, религия, которая была бы сводом всей мудрости и нравственности, выработанной человечеством» [7,330]. Но «религия сердца» мыслится Толлем на путях прогресса и раскрепощения человека от всех стесняющих его волю и разум догматов. Он пишет Батенькову: «Совершенно ложно толкуют чело-

веческую природу те, которые проповедают смирение, довольство малым, даже умерщвление плоти как средство нравственного совершенствования. Лишения мешают нравственной силе нашей расправить свои крылья, особенно если лишения истекают из материальных обстоятельств, а не из свободной воли, а *mens sana* может быть только *in corpore sano*» [7,332].

Пафос споров и дискуссий Толля был продиктован просветительским характером его программы воспитания и образования. В Томске он занимался непосредственной педагогической практикой. Об этом И. И. Пущину сын декабриста Якушкина Е. И. Якушкин, посетивший Томск, сообщает в письме 1854 года: «Бедный человек: болен, желт, как лимон, по самому роду своей болезни почти в беспрестанной хандре и, чтобы не умереть с голоду, должен ежедневно в двух домах давать уроки, за которые получает 40 р. серебр. в месяц. <...> С Батеньковым он видается довольно часто, но зато с чиновниками и купцами, кроме необходимости, почти никогда» [9,440]. В письме к жене в 1855 году Е. И. Якушкин с горестью говорит о необычайно тяжелом положении Толля и его педагогических занятиях: «Он живет чрезвычайно бедно. Прежде уроки давали ему некоторые средства существования, но разные притеснения, которым подвергались его ученики при вступлении в гимназию, и болезнь лишили его и этого» [10,49-50].

Круг учеников Толлю помогал составлять Батеньков и его томские друзья: Лучшевы, Квятковские, Пономаревы. М. А. Бакунин, прибывший в Томск отбывать ссылку в 1857 году, вспоминает, что с Толлем они подружились и жили как братья. Вот какой портрет Толля 1857 года нарисовал Бакунин в письме к А. И. Герцену:

«Мой приятель Эммануил Толль <...> великолепное эксцентрическое существо: маленький ростом, с огромною головою на бычачьей шее и на широких плечах, с огромным мыслящим лбом, уродливым носом, с толстыми мясоедными губами, с руками длиннее сажени, — и на этом монструозном лице выражение умное, доброе, в высшей степени привлекательное, улыбка такая, против которой устоять невозможно. Его любят дети, которых он обожает, и молодые девушки льнут к нему, как птички под верную и темную крышу. Голова у него светлая, разумная, хотя немного и школьно-догматическая — плод его воспитания, но несмотря на это далеко не упорная, способная принять всякую истину. Сердце золотое, благородное, чистое, не способное ни к какой двусмысленности и совершенно чуждое эгоизму и тщеславию. Характер рыцарский, порывистый. Он жил в

Томске уроками и был превосходным учителем, дети его обожали; и до сих пор жена моя, одна из его учениц, хранит о нем самую нежную память» [11,132-133].

Следует заметить, что Антония Квятковская — ученица Толля и будущая жена Бакунина — была из семьи, близкой Батенькову; в шутку она считалась одной из невест ссыльного декабриста. Имя Квятковских упоминается в переписке Толля и Батенькова. Так, узнав в Твери о планах своего оставшегося в Томске «брата» Бакунина, Толль тотчас откликнулся с заинтересованностью и тайным опасением на томские новости. Он пишет Батенькову: «Недавно я получил известие, что одна из Ваших невест, Антося Квятковская, выходит замуж за Бакунина; туманная Польша обуздала полного энергичных стремлений русского. Что из этого будет? Который элемент восторжествует в результате? Славянский ли ручей исчезнет в русском море, оно ли иссякнет — вот вопрос. Меня беспокоит несколько проклятые 45 лет с одной и 17 с другой стороны. Ручей-то в роде Ангары, а море уже много поистратилось. <...> Трудно устоять морю, хотя бы оно было и Байкал» [7,330].

В условиях «губернской безынициативной жизни», которую Толль образно назвал «сибирской тундрой», он продолжал педагогическую деятельность. Давая уроки, Толль обдумывал систему воспитания. Результатом его работы явилось написание в 1855 году двух статей под названием «О первоначальном (элементарном) обучении как исходном моменте основательного образования». Эти статьи были им отосланы в журнал «Русское слово». Опубликованы они были только в 1859 году, но в журнальной публикации был проставлен год и место написания: «Томск. 1855». Статья первая имела подзаголовок: «Посвящается матерям и отцам семейств». Гуманистический характер педагогической системы Толля виден особенно отчетливо на фоне жестокости и невежественности учителей, мало заботившихся о воспитании своих питомцев. Достаточно вспомнить страницы романа И. А. Кушневского «Николай Негорев, или благополучный россиянин», в котором почти документально запечатлена томская гимназия конца 1850-х годов. «Собственно учителей у нас не было, — говорит герой, — а были унтер-офицеры, наблюдавшие за порядком обучения».

Интерес Толля к педагогике шел в русле общего подъема науки о просвещении и образовании, к которой Толль чувствовал влечение с юности. В своих демократических требованиях обучения детей всех сословий Толль, находясь в далеком Томске, высказывал идеи, созвучные исканиям ведущих педагогов-ученых, таких как К. Д. Ушинский, В. И.

Водовозов. Во многих положениях программы обучения Толль переключался с идеями, которые уже волновали Толстого. Так, исходной точкой педагогического процесса для Толля был ребенок. По его мнению, все педагогические методики, приемы, системы должны следовать в соответствии с возрастом, индивидуальностью ребенка, начиная с 2-х летнего возраста. Толль настаивал в своей статье на том, что рычаги обучения следует искать «не в зубрежке, а в самой натуре ребенка». Он выдвинул и сформулировал критерии «основательного образования», фундаментом которого должны быть естественные науки, более всех следующие природе. Толль отстаивает в статье свою ориентацию на «естественное образование», столь популярное в демократической среде: «Основательное образование пригодно человеку ко всему и во всех положениях, потому что оно солнце жизни. Оно не только освещает жизненный путь, но и согревает весь нравственный состав наш, пробуждая и утверждая в нас мир природенных понятий, идеал нравственной высоты, этот краеугольный камень нравственного совершенствования нашего» [12,39].

Так писал Феликс Толль из Томска, веруя в преобразующую силу просвещения. Это был старт для последующей деятельности подвижника российского образования. После ссылки Толль издаст книгу «Наша детская литература». Это был уникальный для России середины XIX века опыт библиографии литературы для детей и юношества. И вновь в Предисловии Толль настойчиво рекомендует родителям и практическим воспитателям особенно тщательно определять круг чтения детей, поскольку литература — важнейшее средство формирования нравственной личности. Книга Толля, построенная как свод статей и рецензий, проникнута живым чувством любви к детям и сознательным стремлением просветить их разум.

Продолжением гражданской и просветительской деятельности Толля, начатой в Томске, явилось издание 3-х томного «Настольного словаря для справок по всем отраслям знаний» (1823-1864). Общедоступный по содержанию и цене, «Настольный словарь» Толля был предназначен особенно «для тех слоев общества, у которых знаний немного, средств еще менее, но любознательности бездна» [13, I-II]. «Настольный словарь» заключал в себе не только большой по объему источник информации, но он как бы суммировал жизненный опыт Толля. На страницах словаря живут следы сибирской эпопеи его создателя. Грозные отзвуки слышны в статье «Каторжные работы», где идет речь о людях, «лишенных всех прав и сосланных в Сибирь». Естественно,